

Юрий КОЗЛОВ, краевед, заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор книг «Столыпин и Симбирск», «Генерал Каппель и волжане», «Керенский из Симбирска» и др.

ЦВЕТКОВ И СИМБИРСК

Среди российских коллекционеров и меценатов видное место занимает И.Е. Цветков, основавший в Москве знаменитую художественную галерею и передавший ее городу вместе со специально выстроенным зданием. В начале прошлого века Иван Евменьевич возглавлял Московский земельный банк, а детство и юность провел в нашем крае среди нужды и невзгод. История его жизни весьма интересна и даже поучительна.

Родился будущий банкир в семье сельского священника Алатырского уезда Симбирской губернии. В метрической книге за 1845 год записано: «Иоанн родился 28 апреля, а крещен 1 мая. Родители его: села Астрадамовки (ныне Сурский район Ульяновской области. – Ю.К.) священник Евмений Павлов Цветков и законная жена его Татьяна Никитина. Восприемниками были: г. Алатыря секретарь магистрата Михаил Соколов и буинского купца Трофима Лукьянова жена Екатерина Дмитриева».

Священник Е.П. Цветков таким же видел жизненный путь своих сыновей – Ивана, Александра, Павла и Петра.

«Припоминаю, за какую-то провинность посадили меня за азбуку, конечно, церковнославянскую, когда мне исполнилось всего пять лет, – напишет старший из сыновей. – Эта азбука показалась мне крайне неинтересной. Мне изредка кое-что поясняли, но я мало слушал и мало понимал и часто плакал от нестерпимой скуки. Мне задавали уроки и приказывали их «вытверживать», но я <...> смотрел в книжку и думал о лесе, о лошадях, о собаках и других развлечениях <...> Когда меня бранили или наказывали, я плакал и обливал азбуку обильными слезами, так что азбука от частых обливаний ее слезами и от трат мокрыми пальцами, неумышленного и умышленного, скоро приходила в полную негодность».

В августе 1856 года Ивана отправили в Алатырское духовное училище, где были три двухлетних класса под названием нижнего, среднего и высшего отделений. В нижнем отделении было 100 учеников, помещались они в одной комнате с тремя окнами без форточек. Грязь была несусветная, поскольку полы не мылись, а мелись лишь раз в неделю. Учителя были малограмотны и ленивы, уроки объясняли очень поверхностно. За успеваемостью следили так называемые аудиторы из более успешных учеников, а великовозрастные ученики из любителей по поручению учителя секли розгами своих неуспешных товарищей.

«Высокомерие и наглость аудиторов меня возмущали, – будет вспоминать Иван Евменьевич. – Так как я ничего не делал, чтобы снискать их снисхождение, поэтому мне ставили скверные отметки

и происходили жестокие секции. Телесные наказания повторялись иногда, даже страшно сказать, по несколько раз в день».

Бурсаки жили в наемных квартирах, спали на полках, на печи, на лавках и прямо на полу; подушки были далеко не у всех, а о простынях и говорить нечего. Пропитание было скудное, мясо и солонина подавались только по воскресеньям и по праздничным дням.

Для Ивана особенно тяжелым был первый год. Со второго года он принаровился к жестоким порядкам и стал хорошо учиться. Подружился с книгой и научился выражать мысли, на годичных испытаниях получал похвальные листы. Как лучшего ученика его освободили от платы за содержание. Похвальными листами отмечали и Александра, поступившего в училище следом за братом.

«Уважая благонравное поведение и отлично хорошие успехи», училищное начальство назначило Ивана Цветкова старшим воспитанником. Его обязанности состояли «в смотре за поведением и исправностью учеников, и в наблюдении за удобством квартир и благонадежностью их содержателей и в донесении о том инспектору».

В списке учеников, квартирующих в Продольной улице у мещанина Г.С. Ермолаева, 5-11 февраля 1861 года Иван отметил: «Вверенные моему смотрению ученики в продолжение сих дней вели себя благопристойно и занимались уроками; кроме Николая Покровского, который ведет себя скверно: меньших себя бьет, во время занятых часов смеется и не занимается уроками. Дмитрий Бенедиктов сделался болен».

«Будучи старшим над всеми старшими, – отметит позднее И.Е. Цветков, – я находил большое удовольствие защищать младших учеников от задававшихся второстепенных старших, живо помня горькое прошлое в начале 1857 года».

15 июля 1862 года смотритель училища протоиерей Андрей Алексеевич Никольский, вручая Ивану Цветкову похвальный лист и Евангелие по завершению учебы, выразил надежду, что он поддержит честь своего училища в Симбирской духовной семинарии.

Симбирская семинария была открыта в 1840 году на Большой Саратовской улице в купленном у купца Косолапова двухэтажном каменном здании, потребовавшем значительных перестроек. Там тоже было три отделения – нижнее, или словесное, среднее, или философия, высшее, или богословие, и учились шесть лет.

«В течение первого полугодия учения в семи-

нарии я был идеальным семинаристом: лекции посещал без пропусков, слушал все внимательно, сочинял задаваемые упражнения по словесности или риторике, – заметит И.Е. Цветков. – Остальное свободное время читал сочинения Державина, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Лажечникова, Загоскина и других авторов, которых можно было доставать в общественной Карамзинской библиотеке. Время даром не терял <...> после первого полугодового экзамена я был поставлен в общем списке семинаристов, поступивших из трех конкурирующих училищ, первым учеником, или, как тогда говорили, цензором».

Зимние каникулы Иван вместе с Александром проводили у родителей. По возвращении в город старший из братьев сообщил: «Итак, любезнейшие папатынька и маматынька, мы – в Симбирске. В тот же день, как втроем без Вас мы прокатили 80 верст – в Прислонику ночевать, а на другой день, т. е. вчера, вечером, в 4 часа были уже в Симбирске. Ныне утром был я в семинарии и видел общие списки. Поздравьте меня с титулом цензора первого отделения, а Сашу с титулом цензора второго отделения <...> Квартира ничего, порядочная; нас всего трое: занимаем особенную, отдаленную от хозяев комнату <...> Больше писать нет ни минуты времени: ночушка давно стоит немилосердно. Прощайте. Будьте здоровы, счастливы. Ваши сыны Ив. и Ал.».

В начале 1863 года в семинарию прибыли молодые преподаватели Василий Федорович Комаров, окончивший Московскую духовную академию, и Николай Алексеевич Благодаров, вышедший из Казанской духовной семинарии. Знакомили с последними выводами науки; стали читать Белинского, Добролюбова, Писарева, Помяловского; говорили о доказательствах Дарвина, будто человек произошел от обезьяны.

Преподаватель риторики и словесности Благодаров рекомендовал семинаристам избирать темы сочинений по своему вкусу и писать в манере писателей, например Гоголя. В сочинении «Несколько дней из жизни священников села Д.» Иван Цветков описал происшествия, случившиеся в начале пятидесятых годов и хорошо памятные духовному начальству. Оба священника села за их «подвиги» (пьянство, кощунство, вымогательство, драки и прочее) были сосланы в монастыри на покаяние и исправление, а потом определены на пономарские вакансии. Его сочинение было объявлено образцовым и прочитано в классе.

Вскоре Иван увлекся точными науками, а к философским и богословским знаниям охладел. Начал серьезно заниматься алгеброй и геометрией, которые числились в программе семинарии, но не углублялись. На его счастье, новый преподаватель математики Комаров прибыл в семинарию хотя и с небольшим запасом знаний, но с искренней любовью к математике.

«1863 год был переломом в моей жизни, – отмечает И.Е. Цветков. – Я узнал, что такое новые «прогрессивные идеи», что такое выпивки, что такое женщины и что такое куренье сначала папирос, а потом скверных сигар».

Бедность свою он переносил безропотно, по временам даже подтрунивая над ней. Снимал де-

шевые квартиры со столом за 3 рубля в месяц. Но в первой квартире (в доме Гусева на Панской улице) было так холодно, что по ночам вода замерзала; во второй квартире (в доме Мингалева на Большой улице, рядом с Троицкой церковью) вместо кирпичной была только железная печка, которая дымила, и страшный угар вызывал рвоту; в третьей квартире (в доме Звонарева близ женского монастыря в так называемом «Звонаревском подвале») была страшная духота, сырость и темнота.

Семинарист давал уроки детям состоятельных горожан, но денег не хватало даже на пропитание. Выходя из-за стола, он чувствовал себя голодным и утешался тем, что еще будет пить чай с хлебом. Одевался плохо: зимой ходил в ватном пальто без мехового воротника, в летнем холодном картузе, без перчаток, в рваных сапогах и без калош.

Вспоминая это время, Иван Евменьевич напишет: «Я работал дни и ночи над собой. Своей материальной нищеты я даже и не замечал и развивался быстро; в разговорах и спорах со своими приятелями я уже не пасовал и очень часто верх в спорах оставался за мной. Это давало мне энергию работать дальше, без усталости и не замечать моего физического истощения».

Юноша задумал поступить в 6-й класс гимназии, а затем в университет на математический факультет. Но ознакомившись с гимназической программой, увидел, что многое не знает, чтобы выдержать вступительный экзамен. Если математику, физику, французский язык более-менее знал, то ботанику, зоологию, минералогию и немецкий язык не знал совсем, готический шрифт увидал первый раз в жизни.

Нужны были книги, но купить их было не на что, да и жить было не на что. Весной 1864 года вместо квартиры втроем, вместе с братом и неким Веселицким, наняли у одной вдовы обыкновенное крыльцо, покрытое сверху и защищенное с трех сторон от дождя и ветра. На узких лавочках этого крыльца они ухитрились спать, а на стоявшем посередине столе занимались; за это платили по 60 коп. в месяц. Питались черным хлебом, приправляя его чаем или молоком, которое тогда было недорого. Правда, раза два в месяц Иван обедал у своего учителя и друга В.Ф. Комарова, мясные щи и каша приводили бедного семинариста в восхищение.

«Летом 1864 г. за два-три месяца до экзамена я выучился читать по-немецки, изучал склонения и спряжения и приступил к переводу немецких статей, – отметит он в дневнике. – Я отыскал узкое место вдоль забора и здесь с книгой в руках как часовой ходил взад и вперед с раннего утра до поздней ночи, долбя разную премудрость, назначенную гимназической программой, до полной умственной усталости».

Приемные экзамены должны были проходить в середине августа, но в Симбирске начались пожары. Самый ужасный был 19 августа, когда сгорели присутственные места, дом дворянского собрания, губернатора, архиерея, оба собора, семинария и гимназия. Выгорел почти весь город, осталось несколько улиц на окраине.

Во время пожаров Иван спасал имущество пого-

рельцев и не раз мог сгореть. В первую очередь помог семье Глазовых, живших на Стрелецкой улице. Сам Ардалион Иванович Глазов, отставной гвардии полковник и помещик, был вдовец; у него имелось четыре сына и дочь. К сыновьям с образовательной целью приглашались лучшие воспитанники местной гимназии и семинарии; с их участием устраивались домашние спектакли, музыкальные вечера, чтения классических произведений. Цветков, не имевший понятия о культурном обществе, у Глазовых привыкал к обычаям порядочного дома.

Во время пожара Иван вынес свои книги, лекции, белье, новое драповое пальто с 6 руб. в боковом кармане (единственный капитал) на площадь близ кафедрального собора. Но скудное имущество сгорело там чуть ли не на его глазах, когда он приехал на глазовской телеге за ним. Остался в одном сюртуке, который спереди был облит каким-то маслом, а сзади прорван во время спасательных операций, и без гроша в кармане.

«Ночь на 20 августа я провел на окраине Симбирска в Александровском саду под небом голубым, усыпанным чудными звездами, прозяб, много размышлял и пришел к убеждению, что в Симбирске мне жить негде, не на что и незачем, ибо цель моих вожделений – гимназия – сгорела, – запишет И.Е. Цветков. – После разных приключений без гроша в кармане я прибыл в село Дубенки Алатырского уезда в дом родителей, отстоящий от Симбирска 140 верст <...> В родительском доме я каждый день ел досыта, спал сколько хотелось; ни учебников, ни других книг не имел под руками. Я около месяца жил исключительно растительной жизнью и хорошо отдохнул, когда получил из Симбирска письмо от хорошенькой барышни Екатерины Алексеевны Николаевой <...> с извещением, что в Симбирске открывают гимназию в наемном доме 23 сентября. Это известие произвело на меня магическое действие. Я немедленно приехал в Симбирск и снова начал свою рабочую жизнь, полную лишений».

* * *

Цветков поселился вдали от центра, на Малой Конной, где по осени стояла непролазная грязь. В деревянном домишке он помещался с тремя приказными писцами, постоянно пьяными, и с бывшим товарищем-шалопаем. Все пятеро спали вповалку на грязном полу, тем не менее приходилось платить по 5 руб. с человека в месяц.

«Директор гимназии И.В. Вишневский сначала наотрез отказал мне в допущении меня к экзамену, совершенно справедливо указывая на то, что в нанятом частном доме он не знает, как разместить и своих-то гимназистов, не то чтоб принимать еще сторонних, – будет вспоминать Иван Евменьевич. – Только благодаря заступничеству и просьбам Николая Васильевича Гинс, учителя гимназии и чудного человека, он допустил меня к экзаменам».

Экзамены были выдержаны удовлетворительно, по математике и физике – превосходно. В середине октября бывшего семинариста приняли в 6-й класс гимназии, которая разместилась в наемном доме Мейера на Лисиной улице. Вскоре сочинение Цветкова по греческой литературе «Содержание и особенности греческого эпоса» было признано луч-

7-й класс Симбирской мужской гимназии.

В первом ряду сидит третий слева Иван Цветков. 1866 г. (Из фондов РГАЛИ)

шим среди работ шестиклассников. Благодаря его усердию и способностям в январе он был объявлен первым учеником.

Улучшилось и материальное положение Цветкова. «По ходатайству моего молодого друга студента Петра Лукьяновича Корнилова <...> удалось получить урок готовить в 3 класс Сашу Москвитина, сына Фед. Фед. Москвитина, богатого помещика, местного оратора и публициста. За квартиру и стол я взялся давать мальчику два урока в день: один часовой утром до моих занятий в классах гимназии и другой двухчасовой вечером. Кроме того, я каждый день в течение полутора часа давал уроки на стороне или у Глазовых, или у Евламыевых за плату около 40 к. за полутора часовую урок, чтобы выработать что-нибудь на платье, а главное – на книги, которые все были уничтожены пожаром».

У Москвитиных он жил с конца октября 1864-го до половины мая 1865 года. Перейдя в 7-й класс, перебрался жить на Большую Конную, к отставному солдату, снова «на великий пост, великое воздержание и неустанное чтение новейшей литературы». Ознакомился с романом «Что делать» Чернышевского, повестью «Отцы и дети» Тургенева и их толкователем Писаревым.

«Все время пребывания в 7-м классе я особой нужды не видал, – отметит Иван Евменьевич. – Первую половину этого времени, с сентября по февраль, я прожил на уроках у Ив. Данил. Сеткова, веселого человека, смотрителя больничных заведений, а вторую половину, с марта по июнь, я прожил также на уроках у доктора Вас. Федор. Евланьева, врачебного губернского инспектора. В обоих домах я имел по мальчику, с которыми я должен был заниматься так же как и у Москвитина. Но здесь <...> мне полагалось за труд сверх квартиры и стола еще по 5 руб. за каждый месяц, деньги большие для меня по тогдашнему моему положению».

В Симбирске проживало семейство Ибряевых, переехавших туда из Алатыря. Мише Ибряеву гимназист давал уроки, а старшей сестре его приносил новые книжки и давал комментарии к ним. Гимназический учитель словесности Алексей Иванович

Виноградов, прежде квартировавший в этом семействе и интересовавшийся этой барышней, вскоре заметил, что его значение в глазах девушки падает, а авторитет Цветкова возрастает. Как-то за чаем произошел довольно глупый и неприязненный разговор, после которого Виноградов подал директору гимназии рапорт, что «Цветков вреден для гимназии по своим убеждениям и по дурному влиянию на своих товарищей».

Это случилось 30 октября 1865 года, тогда дела в гимназии решались скоро. «Директором единолично решено было мое исключение из гимназии и немедленно мне объявлено. Избранный мной путь к получению права на высшее образование неожиданно оказался закрытым. И когда помощи ждать было неоткуда, мне помог простой случай <...> 9 ноября, через неделю после исключения, я заболел тифом и более недели не приходил в сознание. Конечно, если бы такая тяжелая болезнь постигла меня раньше, при прежней обстановке моей жизни, я пропал бы наверняка. Но по счастливой случайности тогда я жил в центре городских больниц у смотрителя Евланьева, и меня каждый день наблюдал мой приятель, живший в соседнем доме доктор Алексей Антонович Флинк, который состоял и врачом при гимназии и часто виделся с директором ее и <...> допускаявший возможную причину этой моей «нервной горячки» то, что меня неожиданно вышвырнули из учебного заведения. Директор И.В. Вишневский, человек религиозный, очень обеспокоился казусом со мной, почти каждый день присылал к Флинку узнать о моем здоровье. И первое, что я узнал, когда пришел в сознание – это то, что Иван Васильевич велел Флинку передать мне просфору, вынутую за мое здоровье, и извещение, что я буду снова принят в гимназию, если оправдюсь от болезни».

В 1866 году случился апоплексический удар с учителем математики Николаем Васильевичем Глас, и, по его совету, директор послал трех лучших учеников исполнять обязанности заболевшего учителя. Цветкову достался второй класс гимназии с тремя часами занятий в неделю. В течение четырех месяцев он объяснял арифметические правила, решал задачи и задавал на дом письменные упражнения, проверял их и ставил баллы в тетрадях. Когда занятия посетил ревизор, инспектор учебного округа Сахаров, то целый час слушал разъяснения Цветкова и его опрос учеников, а по окончании урока подал ему, гимназисту, руку и благодарил за успешное ведение дела.

«После всех экзаменов <...> оказалось, что у меня двадцать две пятерки и только четыре четверки, а у следующего за мною кандидата на медаль ученика Романова значительно худшие баллы и в том числе оказалась даже тройка, – отметит Цветков. – Так как Романов был любимцем директора и учился в гимназии, начиная с нижних классов, то директор Вишневский решил дать единственную золотую медаль не мне, а Романову. Когда такое намерение директора стало осуждаться и учениками и учителями, Вишневский позвал меня в свою канцелярию и выразил надежду, что я признаю справедливость, несмотря на огромное число пятерок, которые я «нахватал», получение серебряной медали,

а не золотой, которую он намерен дать Романову, учившемуся в гимназии начиная с первых классов, а не с 6-го. Я ему ответил, что по уставу гимназии медали раздаются по успехам и поведению, а не за долголетнее пребывание в гимназии. Если по моим успехам и поведению можно дать мне серебряную медаль, то я не вижу оснований, почему бы можно было отказать мне и в золотой, если она по баллам выходит».

Раздосадованный строптивостью Цветкова директор напомнил ему инцидент с Виноградовым и объявил, что не дает ему никакой медали. Так выпускник лишился награды, которую заслужил по своим успехам. Он был возмущен такой несправедливостью, хотя и старался сохранить вид равнодушия. Некоторым утешением служило сочувствие товарищей и учителей, не смевших пикнуть перед директором. Мечту о поступлении в Московский университет пришлось забыть на целых три года.

Летом департамент мануфактуры и торговли Министерства финансов предложил начальству Симбирской губернии устроить конкурс между выпускниками гимназии на получение министерской стипендии по 20 рублей в месяц в технологическом институте. Цветков стал участником конкурса, и стипендия осталась за ним. Губернское правление выдало свидетельство «уволенному из духовного звания священническому сыну Ивану Евмениеву Цветкову, согласно его прошению, имеющему от роду двадцать один год, сроком на шесть месяцев <...> чтобы он в течение означенного срока непременно поступил в С.-Петербургский Технологический Институт или на гражданскую службу».

К тому времени в симбирскую гимназию по примеру брата поступил Александр Цветков, покинув семинарию. Он учился в одном классе с Иваном Яковлевым, выходцем из крестьян села Кошки Буинского уезда Симбирской губернии, который после трех лет службы сельским мерщиком-таксатором поступил в пятый класс гимназии. Тогда гимназия уже возвратилась с Лисиной улицы на Карамзинскую площадь, в восстановленное здание, будучи преобразованной в классическую согласно новому уставу. Гимназический пансион, закрытый после упомянутого пожара, вновь открыли в декабре 1866 года и стали принимать детей всех сословий.

Заручившись деньгами на уроках, Иван Цветков отправился в Петербург, который поразил его своими постройками и роскошью. Маленькой стипендии не хватало на сколько-нибудь приличное существование, приходилось экономить на каждом куске хлеба и жить в какой-нибудь трущобе. Скучная обстановка и питание вместе с дурным климатом и беготней на грошовые уроки подрывали здоровье молодого человека. У него заболела грудь и появился кашель, он сильно похудел.

Беда заставила Цветкова обратиться к знаменитому профессору С.П. Боткину, который сказал, что жить «в Петербургском болоте» ему опасно. По совету мудрого эскулапа он отправился в Симбирск на кумыс, выдержал трехмесячный курс лечения и заметно окреп.

На исходе 1867 года Цветков приехал в с. Заборовку Сызранского уезда к князю Ивану Алексее-